УДК 323.17

Анастасия САЛАВАТОВА

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ФАКТОР МАКЕДОНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Статья поступила в редакцию 25.10.2020

Аннотация. В статье исследована нормативная экспансия ЕС как актора мировой политики и влияние европеизации на национальную идентичность транзитных государств на примере Северной Македонии. Евроинтеграция стала базовым национальным консенсусом в Македонии после обретения этой страной независимости. В то же время этот процесс обусловлен рядом уступок со стороны Скопье, которые представляют собой вызов для македонской национальной идентичности. Некоторые требования касаются урегулирования отношений с соседями, что привело к переименованию государства и корректировке культурно-исторической политики, а также предоставления коллективных прав албанскому меньшинству. Эти решения македонцы считают навязанными им извне. ЕС повлиял не только на институциональную ревизию в виде пересмотра модели государственного устройства, но и поставил вопрос о деконструкции македонской национальной идентичности в том виде, в каком она сформировалась в СФРЮ.

Ключевые слова: Северная Македония, Греция, Болгария, Сербия, евроинтеграция, европеизация, национальная идентичность, нормативная сила, декоммунизация.

После распада Югославии все бывшие союзные республики практически безальтернативно восприняли европейскую интеграцию в качестве основной политической стратегии. Условия постконфликтного урегулирования обусловили асимметричный характер повестки евроинтеграции стран региона, получившего наименование Западные Балканы, то есть группы государств, еще не включенных в евроатлантические структуры [Bugajski, 2017]. К ним относят Албанию и страны бывшей Югославии, за исключением Словении и Хорватии, ранее принятых в ЕС. Фактор евроинтеграции определяет не только само существование целого региона, но и модель идентификации отдельных государств, которые декларируют стремление к евроинтеграции как политическую цель.

Евроинтеграция Северной Македонии в последние годы была форсирована за счет значимых уступок, сделанных этой страной, в области политики идентичности, где главным национальным вызовом стала смена наименования. Социологические опросы 2018 г. выявили приоритет вступления в евроатлантические структуры

© Салаватова Анастасия Валерьевна – аспирантка Кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД России. Адрес: 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

E-mail: anastasijasalavatova@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope12021209218>

(49,7%) по сравнению с сохранением прежнего названия государства (35%) [The Name Dispute, 2018]. При этом около половины опрошенных (45,1%) утверждали, что переименование означает изменение македонской идентичности. Стремление в ЕС с момента подписания Соглашения о стабилизации и ассоциации в 2001 г. стало базой национально-политического консенсуса в Северной Македонии, который не оспаривает практически ни одна политическая сила. Вопрос заключается в том, до какой степени и с помощью каких механизмов повестка евроинтеграции и в более широком смысле европеизации влияет на особенности македонской национальной идентичности. Политический транзит обострил проблему поиска альтернативных способов национальной легитимации, тогда как ЕС, будучи новым центром притяжения и гарантией экономической и даже физической безопасности, требовал не только институциональной, но и ценностной ревизии.

Представление о Евросоюзе как об акторе международных отношений возникло с оформлением институциональной рамки сообщества. К традиционному военному пониманию внешнеполитической силы в 1970-е гг. добавилось экономическое влияние, получившее оформление в концепции ЕС как гражданской силы (*civil power*) Ф. Дюшена [Duchêne, 1972]. Гражданские методы влияния не исчерпываются экономическими средствами, но во многом к ним сводятся. В самой концепции заложено определенное ценностное противопоставление менее цивилизованному военному пониманию, хотя оба термина в строгом смысле применимы скорее к отдельным государствам, а не к Евросоюзу как актору мировой политики. Параллельно с обоснованием и переоценкой гражданского характера влияния европейской интеграции возрастает значение идеологической экспансии. В 2002 г. И. Маннерсом предложена концепция нормативной силы ЕС (*normative power*), то есть способности определять то, что считается «нормальным» в политике и международных отношениях, и распространять свое понимание нормы [Manners, 2002: 239–240]. Так, категории военной и гражданской силы, которые оперируют инструментами, поддающимися более или менее объективной оценке, дополнены идеологическим измерением, требующим скорее применения методов из области социального конструктивизма. Введение нормативного критерия также призвано подчеркнуть субъектность Евросоюза как структуры, способной с помощью созданных институтов продвигать определенный набор ценностей, не сводимый к идеологическим принципам государств-членов.

Идеологический базис ЕС составляют определенные нормы, зафиксированные в программных документах – Декларация о европейской идентичности 1973 г., Маастрихтский и Лиссабонский договоры и др., – которые претендуют на универсальный характер [Романова, 2011: 55]. В этот перечень И. Маннерс включил такие нормы, как демократия, уважение прав человека и фундаментальных свобод, верховенство права, социальная солидарность, устойчивое развитие, эффективное управление [Manners, 2002: 243]. Стратегия расширения ЕС представляет собой не что иное, как один из способов нормативной экспансии. В этой связи целесообразно различать понятия евроинтеграции как институциональной конвергенции и добровольного делегирования части полномочий на наднациональный уровень и европеизации в значении влияния интеграционных процессов на отдельные государства, специфики восприятия ими распространяемых норм [Шульга, 2015: 89]. Евро-

пеизация акцентирует внимание на трансформациях на национальном уровне под влиянием интеграционной повестки.

Сложности могут возникнуть, если общеевропейская норма вступает в противоречие с национальной. В таком случае даже процедурные требования формируют своеобразный вызов национальной идентичности. В конструктивистской оптике указанные ценности (свобода, демократия и др.) носят декларативный характер и потому не отражают в полной мере специфику нормативного влияния ЕС на акторов, стремящихся стать частью европейского консенсуса. Это эксплицитные нормы, которые сами по себе не создают идентитарный вызов, но в их содержании, например, может быть заключено противопоставление нормы и конкретного политического режима. Так, И. Маннерс утверждает, что «нормы демократии, верховенства права и уважения прав человека появились, когда было важно провести различие между демократической Западной Европой и коммунистической Восточной Европой» [Manners, 2002: 243]. Следовательно, здесь заключена еще имплицитная норма – декоммунизация как условие свободы и демократии.

Базовая рамка македонской национальной идентичности

Неизменным вызовом для македонской национальной идентичности с самого начала ее формирования была ситуация отрицания ее международно-политической субъектности со стороны соседних народов. Претензии касаются наименования государства, самостоятельного статуса македонского языка, исторической политики, автокефалии македонской церкви и даже самого факта существования македонской этничности.

Более позднее формирование македонского национального движения в XIX веке по сравнению с болгарским, греческим и сербским привело к тому, что процесс македонского нацистроительства с самого начала был подвержен сильному внешнему влиянию, причем со стороны этнически близких народов. Жители территории исторической области Македония в какой-то момент оказались единственной группой славянского населения в Османской империи без собственной национальной идентичности, так что справедливым представляется утверждение сербского этнографа Й. Цвийича, что македонские славяне не имели никакого национального самосознания – ни сербского, ни болгарского, – хотя по ряду признаков были близки и к тому, и к другому [Cvijić, 1906: 9].

Специфику македонского случая определяют следующие характеристики.

Во-первых, формирование политико-территориальной идентичности предшествовало утверждению македонской этничности. На начальных этапах развития национально-освободительного движения против власти Османской империи на базе Македонской революционной организации (МРО) ключевые позиции занимали выходцы из болгарской церковно-образовательной системы (Г. Делчев, Д. Груев и др.), которые воспринимали македонскую идентичность как территориальную, что не противоречило их этнической идентификации себя как болгар. Под лозунгом «Македония для македонцев» понималось освобождение территории всей исторической области с центром в Салониках. При этом не все представители ранней македонской интеллигенции поддерживали идею открытой борьбы и провозглашения независимости от Османской империи, опасаясь превращения этой территории во второе болгарское государство с последующей ирредентой – болгарский элемент

был доминирующим, но не единственным. В программном тексте К. Мисиркова о национальном вопросе сказано: «Я македонец и интересы своей родины понимаю так: враги Македонии – не Россия и Австро-Венгрия, а Болгария, Греция и Сербия. Совместная активная борьба против этих трех государств спасет нашу родину от исчезновения» [Мисирков, 1977: 24]. «Революция должна быть делом всех македонцев [...] в комитете должны быть представлены все народности» [Мисирков, 1977: 38]. Изначально понятие «македонец» было лишено этнического содержания.

Ключевой датой, вокруг которой построена вся македонская национальная мифология XX века, стало Илинденское восстание против Османской империи 2 августа 1903 г., организованное македонскими революционерами при поддержке МРО и потерпевшее поражение. Одним из эпизодов восстания была битва революционеров с турецкой армией при холме Мечкин Камен, которую иногда называют македонской версией Косовской битвы [Brown 2003: 5].

Во-вторых, македонский национализм построен на социалистической традиции: после раскола революционного движения на левый и правый фланги последний окончательно болгаризировался, тогда как на базе левой традиции была сформирована самостоятельная македонская этничность. Впервые о существовании македонской нации на международном уровне было объявлено в резолюции Коминтерна от 1934 г. Македонская этническая идентичность обосновывается за счет отрицания связей с соседними нациями: «Мы, македонцы, не относимся ни к болгарской, ни к греческой, ни к сербской нации» [Ивановски, 1934]. После раскола 1913 г. институционализация македонской нации происходит в рамках «усеченной» Вардарской (сербской) Македонии. В период социалистической Югославии не только происходит формальное утверждение македонского языка, этничности, научно-образовательной системы, но и постепенный отказ от ирреденты в масштабах исторической области Македония, а именно от претензий на греческую и болгарскую части. После конфликта И. Тито с И. Сталиным, который привел к исключению югославской компартии из Коминформбюро, территориальное объединение Македонии связывалось с риском сепаратизма.

Концепция «Великой Македонии» традиционно отстаивалась правым, проболгарским крылом, для представителей которого всегда был важнее территориальный критерий, а оптимальной формой государственного устройства считалось национальное государство современного типа. Иными словами, в этой концепции отсутствует македонская этничность. В рамках левой традиции преобладал этнический критерий как гарантия самостоятельного статуса македонцев, защита от ассимиляции, тогда как политической целью провозглашалась не получение независимости, но включение в тот или иной проект балканской федерации. Стоит учитывать, что пересмотр социалистического базиса македонского национализма в том понимании, в каком он сложился в СФРЮ, может повлечь деконструкцию понятия македонской этничности вплоть до ее маргинализации.

В-третьих, главной (внешней) экзистенциальной угрозой для македонцев на постъюгославском этапе истории стала Греция, требовавшая смены государственного наименования и некоторой символики и топонимики. В югославский период неоднократно поднимался вопрос насильственной ассимиляции славянского населения греческой Македонии. Вплоть до сегодняшнего дня Греция отказывается признавать славянское (македонское) национальное меньшинство, называя жителей гре-

ческой области Македония «славофонными греками» (в неформальном обращении – болгарями). Македонские историки настаивают на территориально-политическом континуитете по отношению к античной Македонии, не утверждая, впрочем, что это было славянское государство, но главная претензия к грекам сводится к тому, что оно не было и однозначно эллинским [Кирчанов, 2009: 78].

В-четвертых, внутренней национальной угрозой для македонцев является албанский фактор, что проявляется в медленной (кон-)федерализации страны с постепенным обособлением албанского и македонского сегментов, предпосылки для чего были заложены в Охридских соглашениях 2002 г. Дискуссия о возможностях построения консociативной демократии в Северной Македонии стала следствием этнической сегрегации. Вызов для македонской национальной идентичности может быть связан с т.н. «травмой Бухареста» – расколом страны по Бухарестскому мирному договору 1913 г. Нациестроительство в рамках Вардарской бановины было компромиссом, а откол еще одной части станет национальной трагедией. Так или иначе, возможный отказ от унитарной формы государственного устройства воспринимается как ревизия македонской идентичности [Ревизија на македонскиот идентитет, 2020].

В-пятых, противоречия с Сербией касаются отказа Сербской православной церкви (СПЦ) признать автокефалию Македонской православной церкви – Охридской архиепископии, утвержденной в 1967 г. при поддержке югославского руководства в качестве одного из аргументов в пользу независимого статуса македонской нации. Сербия, не будучи членом ЕС, не может влиять на македонскую позицию по спорным вопросам, как Греция и Болгария, но и вряд ли сербское руководство заинтересовано в использовании церковной повестки как рычага давления на Северную Македонию. Более сложным вопросом для Сербии стало признание тогда еще Македонией независимости Косова в 2008 г., но с учетом стремления обеих стран в ЕС эта проблема существенно не повлияла на их сотрудничество.

Ревизия македонской национальной идентичности под влиянием фактора ЕС

В процессе евроинтеграции Македония пошла на некоторые формальные уступки, которые воспринимаются как вынужденная ревизия национальной идентичности. Представляется, что эти решения никогда не были бы приняты, если бы руководство страны не находилось под прямым или косвенным давлением: идет ли речь об эксплицитных нормах ЕС, обозначенных как условие успешной евроинтеграции, или о завуалированных принципах, связь которых с повесткой евроинтеграции неочевидна.

Македония провозгласила независимость от Югославии в 1991 г. и на международном уровне была признана как Бывшая Югославская Республика Македония (БЮРМ). Основополагающее Соглашение о стабилизации и ассоциации между ЕС и БЮРМ было подписано раньше аналогичных соглашений с другими постъюгославскими республиками – 9 апреля 2001 г. – и вступило в силу в 2004 г. Тогда же БЮРМ подала заявку на вступление в ЕС; с этого момента можно считать начало процесса евроинтеграции Македонии. В 2005 г. на саммите Евросоюза в Брюсселе БЮРМ был предоставлен статус страны-кандидата, но открытие переговоров о вступлении откладывалось из-за спора о наименовании с Грецией и в меньшей степени по причине культурно-исторических споров с Болгарией. В марте 2020 г. после своего переименования Северная Македония стала 30-м членом НАТО, а Совет ЕС одобрил решение

о начале официальных переговоров после согласования переговорного досье (35 глав *acquis communautaire*) между странами-членами ЕС и страной-кандидатом. Таким образом, главным вызовом и одновременно национальной трагедией последних тридцати лет стал спор с Грецией о названии. Он завершился подписанием Преспанского соглашения в 2018 г. и затем переименованием в 2019 г., несмотря на то что соответствующий референдум не должен был быть признан из-за недостижения порога явки.

Преспанское соглашение 2018 г., в котором Македония обозначена «второй стороной», регламентирует границы употребления понятия «Македония» и производных от него при смене официального наименования (допускается в отношении языка, национальности и при обозначении негосударственных структур) и некоторые особенности культурно-исторической политики [Agreement, 2018]. Так, в статье 7 соглашения подчеркнуто, что понятие «македонский» для обеих сторон имеет различное содержание: в случае Греции речь идет не только о регионе страны, но и о наследии античной македонской традиции, тогда как для «второй стороны» допустимы только отсылки к славянскому прошлому [Agreement, 2018: 7]. С учетом того, что в последние годы в Македонии утвердился такой тренд в области политики памяти, как антикизация, то есть указание на преемственность между античной и современной Македонией, соответствующие ремарки в соглашении создают условия для постоянных споров относительно топонимики и прочей национальной символики. Вместе с тем к блокировке процесса евроинтеграции Грецией, согласно тексту соглашения, все отмеченное формально привести не может. В частности, окончательно запрещено использование изображения Вергинской звезды (символ древнемакедонских царей) и флага греческой области Македония в македонской символике. Споры вокруг возможности использования этого изображения в качестве флага Македонии идут с начала 1990-х гг. Вергинская звезда использовалась в качестве эмблемы кампании за бойкот референдума о смене наименования страны. К этому символу, в том числе, отсылает лозунг в поддержку евроинтеграции Македонии: «Солнце – это тоже звезда», если учесть, что на новом варианте национального флага изображено солнце.

В 2019 г. состоялся исторический визит премьер-министра Греции А. Ципраса в Скопье. Незадолго до визита произошло показательное переименование шоссе Александра Великого в шоссе Дружбы. Ожидается, что впоследствии тенденция к отказу от использования античной символики продолжится. Масштабная кампания по антикизации национальной памяти была запущена в период нахождения у власти партии ВМРО – ДПМНЕ и ее прежнего лидера Н. Груевского (премьер-министр с 2006 по 2016 гг.). Тогда был принят неоднозначный проект «Скопье-2014», подразумевающий застройку центра столицы памятниками, отсылающими как к македонскому античному наследию, так и к более позднему историческому нарративу.

В македонском обществе смена наименования однозначно воспринимается как вынужденное предательство национальной идентичности. В публикациях, посвященных компромиссу с Грецией, выделяются следующие особенности:

- Апелляция к югославскому опыту как к главному критерию легитимности македонской государственности. Первая сессия заседания Антифашистского собрания по народному освобождению Македонии (АСНОМ) 2 августа 1944 г. воспринимается как «второй Илинден». Примечательно, что саммит НАТО в Брюсселе в 2008 г., когда Греция заблокировала членство Македонии в НАТО, назван «вторым Бухарестом» по аналогии с 1913 г. [Todorov, 2016].

- Зафиксированный документально отказ от ирредентистских претензий интерпретируется как отстранение от заботы о македонских национальных меньшинствах в соседних странах, в первую очередь в Греции. В то же время статус славянского населения в греческой области Македония, являясь предметом многолетних споров, был вынесен за рамки македонско-греческого переговорного процесса. «Соглашение узаконило отказ от представителей македонского народа, живущих за пределами страны, тем самым делая их частью истории других балканских народов» [Новото името во договорот, 2018].

- Смена наименования воспринималась Евросоюзом и Североатлантическим альянсом как прямое условие интеграции, что зафиксировано в самой формулировке вопроса на референдуме: «Поддерживаете ли вы членство в ЕС и НАТО, принимая соглашение между Республикой Македонией и Греческой Республикой?» [Изгласна одлука, 2018]. Явка на референдуме составила около 36% и была обеспечена в основном электоральной мобилизацией албанского меньшинства.

На протяжении переговоров с Грецией Брюссель играл роль посредника и выступал за необходимость переименования Македонии. Бывший представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини заявляла: «Европейский союз полностью поддерживает заключенное [Преспанское] соглашение. Это возможность достичь примирения в Юго-Восточной Европе» [Mogherini, 2018]. Смена наименования стала возможна благодаря ультимативной позиции страны-члена ЕС (Греции), которая в силу своего статуса имела возможность выдвигать подобные требования.

При этом с точки зрения повестки евроинтеграции это было необходимо как один из этапов нормализации отношений с соседними государствами. Через данное требование ЕС реализует свое представление о стабилизации, рамочном концепте для стратегии в отношении Балканского региона. В конечном счете стабилизация должна приводить к установлению мира, одной из декларируемых норм ЕС. В странах региона требование нормализации отношений с соседями связано с наиболее сильными идентитарными вызовами: в этой же плоскости лежит проблема признания независимости Косова для Сербии. Как правило, ЕС настаивает на том варианте компромисса, который при иных обстоятельствах не был бы возможен. Нельзя сказать, что мир, или стабилизация как частный вариант, вступают в противоречие с национальными нормами, но в содержательном смысле такое представление о мире одной из сторон воспринимается навязанным, политически обусловленным, а значит – недолгосрочным.

Помимо Греции, Македония сталкивалась с противодействием Болгарии на пути интеграции в НАТО и ЕС, хотя эта страна первой признала македонскую независимость от Югославии в 1990-е гг. Болгария не признает македонцев как отдельную этническую группу, а македонский язык считает диалектом болгарского. Позиция Софии сводится к тому, что македонская нация была «искусственно сконструирована» в СФРЮ [Bulgarian Deputy PM, 2020]. Основные противоречия лежат в области культурно-исторической политики: одним из наиболее спорных вопросов является взгляд на болгарскую оккупацию Македонии в годы Второй мировой войны, которая в историографической традиции Болгарии называется освобождением Вардарской Македонии. В то же время день Илинденского восстания 2 августа 1903 г. признан национальным праздником в обеих странах. В Болгарии отдают дань восставшим представителям болгарского народа, которые на тот момент на-

ходились за пределами «метрополии». В македонском же варианте это начало процесса создания македонского национального государства [Kojouharov, 2004].

В 2017 г. македонским премьер-министром З. Заевым и его болгарским коллегой Б. Борисовым подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Предусматривалось создание совместного комитета по решению исторических споров, который займется пересмотром македонских учебников и образовательных программ для приведения их в соответствие с болгарским взглядом. Впрочем, не очень понятно, что собой будет представлять македонский исторический нарратив, если из него исчезнет как античный блок, так и более поздний славянский, во многом пересекающийся с историей Болгарии. В конечном счете остается только югославский послевоенный период, когда происходило оформление македонской нации в современном понимании, но и здесь возникает проблема ревизии коммунистического прошлого.

В Македонии в строгом смысле не было масштабной политики декоммунизации и осуждения югославского прошлого, как в других постъюгославских республиках, за исключением Сербии, которая играла роль «метрополии». Во многом это объясняется тесной связкой социализма и македонского национализма.

В начале 2000-х гг. утверждался новый тренд в национально-исторической политике, который ассоциируется с одной из ведущих македонских партий ВМПРО – ДПМНЕ – антикизация. Под этим подразумевалась идентитарная политика, которая базируется на установке, что существует преемственность между современной и античной Македонией [Vangeli, 2010]. Окончательно сформировавшись в условиях транзита, антикизация стала единственной значимой альтернативой социалистическому базису македонской национальной идентичности.

Именно поэтому с точки зрения символической политики целесообразно рассматривать ее как форму декоммунизации. Более того, эксперименты с антикизацией маргинализируют понятие македонской этничности, что представляет собой деконструкцию сформированной в СФРЮ модели македонской нации. В отличие от урегулирования отношений с соседями, здесь нет прямой обусловленности фактором ЕС, но отмечается вполне определенная перцепция нормативной экспансии, где декоммунизация выступает имплицитной нормой. Как уже отмечалось, современные стандарты ЕС во многом выстроены на противопоставлении коммунистическим режимам, так что для успешной интеграции перед македонским обществом неизбежно встал бы вопрос поиска альтернативного идеологического обоснования.

Продолжая логику деконструкции македонской этничности, можно было бы предположить, что с нормативной точки зрения ЕС заинтересован в построении политической нации в Македонии, что по умолчанию считается более инклюзивной моделью. При этом будучи посредником при урегулировании межэтнического конфликта, ЕС настоял в 2002 г. на подписании Охридских соглашений, которые утвердили коллективные права албанского меньшинства и закрепили де-факто федерализацию страны по этническому признаку. Проводя аналогии с процессом урегулирования в Хорватии и Боснии и Герцеговине, где предоставление коллективных прав сербскому меньшинству противоречило идее инклюзивного нациестроительства, можно заключить, что данная норма имеет ситуативное содержание. Наряду с переименованием, угроза территориальному суверенитету воспринимается как значимый вызов македонской национальной идентичности.

Выводы

ЕС как «точка сборки» современной македонской национальной идентичности заменил в этой роли социалистическую Югославию, в рамках которой впервые была институционально закреплена македонская нация. Отсутствие внешнего источника национальной легитимации связано с экзистенциальными рисками, так как соседние государства оспаривают базисные параметры македонской идентичности: язык, этничность, наименование, историю, а секьюритизация национального дискурса усиливается ростом влияния албанского сегмента. Смена внешней опоры потребовала пересмотреть модель идентичности, сформированную в СФРЮ, – от формальных уступок соседям–членам ЕС (Греция, Болгария) до продвижения античного нарратива как формы декоммунизации и усиления тенденции к сегментированию страны по этническому принципу. Последнее противоречит классической модели государства–нации, которую Евросоюз как посредник продвигал при урегулировании конфликта в других постъюгославских республиках, выступая против предоставления коллективных прав сербскому меньшинству. Указанные тенденции позволяют поставить вопрос, насколько концепция государства–нации соответствует современной нормативной рамке, адресованной ЕС потенциальным государствам–членам.

Список литературы

- Ивановски В. (1934) Зошто ние македонците сме одделна нација. URL: http://www.mn.mk/aktuelno/2359-Bistriski-Zosto-nie-makedoncite-sme-oddelna-nacija?format=pdf&fbclid=IwAR1-pNTvmONjrrJYnA_2OMd3IVMdqnMQJ3k35tV41Nazi88Wh7GmX-bWqrk (дата обращения: 21.09.2020)
- Изгласана одлука за референдум за името на 30 септември. (2018) *Sitel*. URL: <https://sitel.com.mk/izglasana-odluka-za-referendum-za-imeto-na-30-septemvri> (дата обращения: 21.09.2020)
- Кирчанов М. (2009) Националистическая модель политической модернизации и трансформации европейских периферий. Факультет международных отношений Воронежского государственного университета. Воронеж, Россия. 219 с.
- Мисирков К. (1977) О македонском стварима. Нови Сад: Матица Српска. 177 с.
- Новото име во договорот е обид за вештачка промена на македонскиот идентитет. (2018) *Нова Македонија*. URL: <https://www.novamakedonija.com.mk/makedonija/новото-име-во-договорот-е-обид-за-вештач/> (дата обращения: 21.09.2020)
- Романова Т.А. (2011) Евросоюз как нормативная сила и проблемы ее восприятия в России как барьер на пути политико-правового сближения. *Вестник СПбГУ*. № 1. С. 52–66.
- Ревизија на македонскиот идентитет. (2020) *Deutsche Welle*. URL: <https://www.dw.com/mk/ревизија-на-македонскиот-идентитет/a-53340006> (дата обращения: 21.09.2020)
- Шульга М.А. (2015) Европеизация: некоторые особенности одного концепта. *Век глобализации*. № 1. С. 88–95.
- References**
- Brown K. (2003) *The Past in Question: Modern Macedonia and the Uncertainties of Nation*. Princeton University Press. 320 p.
- Bugajski J. (2017) *The Western Balkans*. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199743292/obo-9780199743292-0094.xml#obo-9780199743292-0094-bibItem-0008> (accessed: 21.09.2020)
- Bulgarian Deputy PM: International communism created a fake Macedonia. (2020) *Greek City Times*. URL: <https://greekcitytimes.com/2020/05/06/bulgarian-deputy-pm-international-communism-created-a-fake-macedonia/> (accessed: 21.09.2020)
- Cvijić J. (1906) *Nekolika posmatranja o etnografiji makedonskih Slovena*. Beograd: Knjižara Goce Kona. 69 p.
- Dûchene F. (1972) *Europe's Role in World Peace. Europe Tomorrow: Sixteen Europeans Look Ahead*. London. Fontana, pp. 32–47.
- Ivanovski V. (1934) *Zoshto nie makedonsite sme oddelna natsija* [We Macedonians Are a Separate Nation]. URL: <http://www.mn.mk/aktuelno/2359-Bistriski-Zosto-nie-makedoncite-sme-oddelna-nacija>

- nacija?format=pdf&fbclid=IwAR1-pNTvmONjrrJYnA_2OMd3IVMdqnMQJ3k35tV41Nazi88Wh7GmX-bWqrk (accessed: 21.09.2020)
- Izglasana odluka za referendum za imeto na 30 septemvri. (2018) *Sitel*. URL: <https://sitel.com.mk/izglasana-odluka-za-referendum-za-imeto-na-30-septemvri> (accessed: 21.09.2020)
- Kirchanov M. (2009) Natsionalisticheskaya model' politicheskoi modernizatsii i transformatsii evropeiskikh periferii [National Model of Political Modernization and Transformation of European Periphery]. Voronezh, Russia. 219 p. (in Russian).
- Kojouharov A. (2004) Bulgarian "Macedonian" Nationalism: A Conceptual Overview. *The Online Journal of Peace and Conflict Resolution*, pp. 282–295.
- Manners I. (2002) Normative Power Europe: A Contradiction in Terms. *Journal of Common Market Studies*. Vol. 20, № 2, pp. 235–258.
- Misirkov K. (1977) O makedonskim stvarima [Macedonian Issues]. Novi Sad: Matitsa Srpska. 177 p.
- Mogherini: FYROM name change deal will transform entire South-East Europe. (2018) Euractiv. URL: <https://www.euractiv.com/section/enlargement/interview/mogherini-fyrom-name-change-deal-will-transform-entire-south-east-europe/> (accessed: 21.09.2020)
- Novoto ime vo dogovorot e obid za veshtachka promena na makedonskiot identitet. (2018) *Nova Makedonija*. URL: <https://www.novamakedonija.com.mk/makedonija/новото-име-во-договорот-е-обид-за-вештач/> (accessed: 21.09.2020)
- Revizija na makedonskiot identitet. (2020) *Deutsche Welle*. URL: <https://www.dw.com/mk/ревизија-на-македонскиот-идентитет/a-53340006> (accessed: 21.09.2020)
- Romanova T.A. (2011) Evrosoyuz kak normativnaya sila i problemy ee vospriyatiya v Rossii kak bar'er na puti politiko-pravovogo sblizheniya [Normative Power EU and its Perception in Russia as a Barrier for Political and Legal Rapprochement]. *Vestnik SPbGU*. № 1, pp. 52–66. (in Russian).
- Shul'ga M.A. (2015) Evropeizatsiya: nekotorye osobennosti odnogo kontsepta [Europeanization: Features of the Concept]. *Vek globalizatsii*. № 1, pp. 88–95. (in Russian).
- The Name Dispute. (2018) Public views in Macedonia. Macedonian Center for International Cooperation (MCIC). Institute for Democracy. URL: <https://mcms.mk/images/docs/2018/the-name-dispute-2018.pdf> (accessed: 21.09.2020)
- Todorov P. (2016) From Bucharest 1913 to Bucharest 2008: The Image of the Balkan Wars in Macedonian Historiography and Public Discourse. Institute of National History, Skopje, pp. 291–317.
- Vangeli A. (2011) Nation-building ancient Macedonian style: the origins and the effects of the so-called antiquization in Macedonia. *Nationalities Papers*. Vol. 39, № 1, pp. 13–32.
- Final Agreement for the Settlement of the Differences as Described in the United Nations Security Council Resolutions 817 (1993) and 845 (1993), the Termination of the Interim Accord of 1995, and the Establishment of a Strategic Partnership Between the Parties. (2018) URL: <https://vlada.mk/sites/default/files/dokumenti/spogodba-en.pdf> (accessed: 21.09.2020)

European Integration as a Determinant Factor of Macedonian National Identity

Received 25.10.2020

Author: Salavatova A., Graduate student of Department of Integration Studies at the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University). **Address:** 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. **E-mail:** anastasijasalavatova@gmail.com

Abstract. The concept of the EU normative power implies transformation challenges which project norms on the national level of European periphery. The research aims to assess extent the EU requirements contradict the Macedonian national identity and determine changes that either are perceived as imposed or reflect implicit European norms. Depending on the level of the EU engagement europeanization of national identity takes different forms ranging from institutional changes with the European mediators' assistance (conflict settlement, the name issue) to the search of alternative national legitimization models apart from socialist Yugoslavia. Conditionality of explicit requirements that refer to disputes with neighbouring countries is integrated into national narrative in the form of sacrifice, which still is perceived as external pressure. Implicit norms like decommunization are more difficult to identify but imply a long-term deconstruction of national identity. Such deconstruction could provide not just prospects for the future of the Macedonian nation and state but allows to select and describe implicit European norms that are disseminated into the periphery. The article outlines conditionality between European standards and requirements and transformations in basic principles of Macedonian national identity.

Key words: North Macedonia, Greece, Bulgaria, Serbia, European integration, europeanization, national identity, normative power, decommunization.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope12021209218>

Современная Европа, 2021, № 1